

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-68-103

УДК 821.161.1

**Эпизод из истории русской фольклористики:
Письма Г.И. Парихина к И.П. Сахарову***А.Л. Топорков*

Аннотация: Среди архивных материалов И.П. Сахарова (1807–1863) имеется подборка писем и фольклорных материалов, присланных ему из Тихвина купцом Григорием Ивановичем Парихиным в 1839 г. Тихвинский собиратель передал Сахарову 22 песни, 70 загадок, 16 заговоров, одну сказку и другие тексты, которые позднее были частично опубликованы в сборниках Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» и «Песни русского народа». Сверка текстов показала, что Сахаров правил и сокращал тексты, которые присылал ему Парихин. Письма из Тихвина позволяют выяснить факты из жизни одного из первых собирателей русского фольклора, его литературные вкусы, взаимоотношения с окружающими людьми. Публикуемые материалы представляют интерес и с точки зрения истории чтения и библиотечного дела. Второе письмо к Сахарову представляет собой своеобразную автобиографию, причем история жизни Парихина пишется главным образом как история добывания книг и их чтения. Знакомство Парихина с литературой началось с чтения подписей к лубочным картинкам, а затем продолжилось чтением русских и переводных сказок и повестей. Парихин не только выписывал для себя книги из Петербурга, но и давал их читать желающим, то есть создал небольшую частную библиотеку. В письмах проявляются литературные вкусы Парихина, в частности его отношение к поэзии А.С. Пушкина и прозе А.А. Марлинского. В стилистическом отношении письма можно рассматривать как пример смешения стилей деловой переписки и романтической художественной прозы в духе А.А. Марлинского. В письмах Парихина много диалектных и просторечных слов и выражений; благодаря фонетическому письму они позволяют воссоздать повседневную купеческую речь 1830-х гг.

Ключевые слова: история фольклористики, И.П. Сахаров, Г.И. Парихин, А.А. Краевский, песни, загадки, заговоры.

Информация об авторе: Андрей Львович Топорков, д.ф.н., главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН. Москва, Россия. E-mail: atoporkov@mail.ru

Цитирование: *Топорков А.Л.* Эпизод из истории русской фольклористики. Письма Г.И. Парихина к И.П. Сахарову // Литературный факт. 2018. № 8. С. 68–103.

Среди архивных материалов И.П. Сахарова (1807–1863) имеется подборка писем и фольклорных материалов, присланных ему из Тихвина купцом Григорием Ивановичем Парихиным. Всего в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее РНБ) сохранились четыре письма Парихина, отправленных Сахарову 22 января, 15 и 21 сентября и 24 октября 1839 г. Еще одно письмо Парихина к Сахарову (от 23 мая 1840 г.) обнаружено нами в фонде М.П. Погодина в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее РГБ).

Письма Парихина к Сахарову впервые привлекли внимание Н.В. Новикова, который использовал их в специальной статье¹. Н.В. Новиков восстановил в общих чертах биографию Парихина, описал историю взаимоотношений собирателя с А.А. Краевским и И.П. Сахаровым, изучил фольклорные материалы, переданные Парихиным Сахарову, и сверил их с публикациями в сборнике Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». Н.В. Новиков опубликовал также письма Парихина к А.А. Краевскому от 8 июля 1838 г. и к В.Ф. Одоевскому от 6 июня 1844 г.

Сведения о Г.И. Парихине, к сожалению, весьма немногочисленны; неизвестны даже даты его рождения и смерти. Родился он, по-видимому, около 1805 г. в г. Тихвине Новгородской губ. Происходил из небогатой купеческой семьи; 5 лет учился в приходской школе².

В очерке «Провинциальные увеселения» Парихин писал о занятиях тихвинских горожан: «...три четверти жителей находятся беспрестанно в разъездах, доставляя на собственных своих лодках товары, отправляемые по Тихвинской системе из Петербурга в низовые города и обратно...»³ Судя по письмам Парихина, его торговая деятельность также была сопряжена с частыми и долгими разъездами; например, он сообщал Сахарову 22 января 1839 г.: «Производимая мною торговля требует непрерывных разъездов по самым заулесным деревням, во время которых в продолжении 10 лет я слышал много *заговоров*, но не думая, чтобы они могли заслуживать

¹ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова (по архивным материалам) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 141–154.

² Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 142; История Тихвина в лицах: Библиографический указатель / Сост. А.А. Титова и др. Тихвин, 2004. Вып. 1, ч. 1: XIII–XIX вв. С. 96–101; *Виноградов В.В.* Парихин Григорий Иванович // Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / ИРЛИ РАН; под ред. Т.Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 4 (в печати).

³ Г...й П...ь [Парихин Г.И.] Провинциальные увеселения (о посиделках, или посудухах) // Литературные прибавления [к «Русскому инвалиду»]. СПб., 1839. № 2. С. 34.

какое внимание и быть когда-либо напечатанными, пускал их мимо ушей!» (письмо 1; курсив мой — *А.Т.*).

Знакомство Парихина с литературой началось с чтения подписей к лубочным картинкам, а затем продолжилось чтением русских и переводных сказок и повестей. Парихин выписывал для себя книги из Петербурга и даже давал их читать желающим, то есть создал небольшую частную библиотеку.

По-видимому, Парихин не только записывал песни, пословицы, загадки и т.д., но и сам сочинял стихи в стиле народных песен, однако объем его литературного творчества, к сожалению, пока неизвестен. В письме к Сахарову от 23 мая 1840 г. Парихин уведомлял его о том, что одна из песен, которые он ему передал, была на самом деле сочинена им самим и была по недоразумению опубликована «в числе старинных песен» (письмо 5). Эта песня помещена в «Сказаниях» в разделе «Русские свадебные песни, собранные в Олонецкой губернии», причем имя собирателя в этом разделе не указано⁴.

Литературные интересы Парихина не находили понимания в провинциальной купеческой среде. В письме от 15 сентября 1839 г. Парихин жаловался Сахарову:

Я, тихвинский третьей гильдии купецкой сын, имею родителя, которой (заметьте это) почти вовсе не терпит книг; матушку, которая вполнину пренебрегает ими, и жену тоже вовсе не охотницу до чтения; а потому, избегая неудовольствий, я читаю, пишу и получаю журналы украдкой (вот вам объяснение, почему ваши книги обратились назад)! Но всегда ли убережешься? Иногда книги попадают не туда, куда следуют, отчего происходят семейные сцены, хотя самые пустячные, однако ж все-таки неприятные, потому что прежде мне не запрещали читать, но довольно об этом! (письмо 2)

Собирательская деятельность Парихина относилась к тому времени, когда еще не было создано Русское географическое общество и только появились губернские ведомости. В связи с этим возможности публикации фольклорно-этнографических материалов были весьма ограниченными. По существу, собиратели народной словесности могли передать свои записи или в один из петербургских или московских литературных журналов, или издателям таких сборников, как «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» И.М. Снегирева или «Сказания русского народа» И.П. Сахарова.

⁴ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 3. С. 201 (№ 7).

При собирании фольклора Парихину приходилось преодолевать презрительное и подозрительное отношение грамотных людей. Например, в предисловии к своему собранию загадок он сообщал: «...я должен сказать, что почти все, находящиеся в сем собрании загадки, списаны мною со слов совершеннолетних безграмотных или малолетних грамотных! Совершеннолетние же грамотники, с которыми мне случалось вести речь о загадках, отвечали мне, почти все, на один лад: “Стоят ли внимания такие дрязги!”»⁵.

Летом 1838 г. Парихин послал А.А. Краевскому этнографический очерк «Провинциальные увеселения» и пять заговоров, которые были услышаны им «в Тихвинском, Ладожском и Лодейнопольском уездах и списаны слово в слово»⁶. В своем письме Парихин рассказал о том, как непросто было ему решиться вступить в переписку с Краевским:

Знаете ли, милостивый государь, как робко неписателю писать первое письмо к журналисту. Я полгода собирался писать к вам и едва осмелился.

Воображение мое представляло мне вас строгим и неумолимым судьей, который получа мое *писемко*⁷ и заговоры, швырнет их в огонь, не читая, да еще разгневется за то, что незнакомый человек осмеливается писать к нему — да мало ли еще что представляло и представляет мне воображение⁸.

Очерк Г.И. Парихина был опубликован в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду». Что касается заговоров, то цензура воспрепятствовала их помещению в журнале, и А.А. Краевский передал их Сахарову, который в то время готовил новое, расширенное издание «Сказаний русского народа».

Эпистолярное общение с А.А. Краевским и И.П. Сахаровым открыло Парихину путь на страницы столичных периодических изданий. В 1839 г. Парихин опубликовал этнографический очерк «Провинциальные увеселения», а в 1840 г. несколько записей песен в «Маяке современного просвещения и образованности», «Литературной газете» и «Пантеоне русского и всех европейских театров»: «Старинные святочные песни», «Старинная свадебная песня», «Народная песня». Наибольшую ценность имеет подготовленное

⁵ [Парихин Г.И.] Русские народные загадки // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1842. Т. 6. Кн. 11. Отд. 3. С. 48.

⁶ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 144.

⁷ Так называют письмо почти все жители Онежского уезда (примеч. Г.И. Парихина).

⁸ Там же. С. 144–145.

Парихиным собрание «Русские народные загадки», включающее предисловие и более 330 текстов (1842). На этом публикации Парихина прекращаются.

22 января 1839 г. Парихин послал Сахарову несколько заговоров, песен и загадок и предложил в дальнейшем предоставлять ему и другие записи:

Ежли вы поощрите меня своим вниманием и ежли вам угодно, милостивый государь, то я готов доставлять вам по возможности все, что узнаю касательно деревенских и городских простонародных поверьев и суеверных обрядов, а также и *старинные русские песни, как простые, так и свадебные, которых я имею порядочное собрание*, из числа которых, может быть, найдутся и неизвестные вам (письмо 1; курсив мой — А.Т.).

Всего тихвинский собиратель прислал Сахарову 22 песни, 70 загадок, 16 заговоров, одну сказку, одну считалку («счетную скороговорку») и другие тексты, которые позднее были частично опубликованы в сборниках Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» и «Песни русского народа»⁹.

В предисловии к третьему изданию 1-го тома «Сказаний» Сахаров поблагодарил Парихина и поместил его имя в перечне тех людей, которые передавали ему свои материалы. В краткой преамбуле к 3-й книге 1-го тома, включающей народные песни, Сахаров указал, что тихвинские песни были предоставлены ему Парихиным.

Готовя к печати 3-ю часть своего сборника «Песни русского народа», Сахаров поместил в конце книги раздел «Варианты свадебных песен», в котором представил 5 песен, присланных Парихиным, под заглавием «Русские свадебные песни, собранные Гр.И. Парихиным в Тихвине»¹⁰. В 3-м издании 1-го тома «Сказаний» Сахаров опубликовал уже 11 песен из 22, переданных ему Парихиным¹¹. Н.В. Новиков установил, что только одна песня была напечатана без изменений, а в остальных публикатор кое-где опускал припевы, повторяющиеся строки, разночтения, допускал ошибки в прочтении отдельных слов и опечатки, заменял диалектные формы литературными, однако никаких грубых и целенаправленных фальсификаций текста в песнях не имеется¹².

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ [Сахаров И.П.] Песни русского народа. Ч. 3. СПб.: тип. И. Сахарова, 1839. С. 439–457 (№ 1–5).

¹¹ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 3. С. 180–187 (№ 1–11).

¹² Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 148–151.

В 3-м издании 1-го тома «Сказаний» Сахаров опубликовал (уже в третий раз) свою коллекцию заговоров и при этом включил в нее дополнительно 7 заговоров с примечанием: «Последние семь заговоров были сообщены г. Парихиным»¹³. Ранее мы уже опубликовали по рукописям все 16 заговоров, переданных Парихиным Сахарову, причем 7 заговоров были приведены параллельно с их версиями, напечатанными ранее Сахаровым, а 9 заговоров увидели свет впервые. Сверка текстов показала, что Сахаров существенно правил и сокращал заговоры Парихина¹⁴.

В 1820-е гг. Парихин начал собирать пословицы, песни, заговоры. На основании его писем можно восстановить с некоторой долей условности хронологию его собирательской деятельности. Например, в письме к Сахарову от 15 сентября 1839 г. Парихин восклицал: «Вы и без клятвы поверите этому, естли я скажу вам, что в продолжение 17 лет ваше письмо было первое одобрение, первое ласковое слово за пристрастие мое к словесности вообще и за письменные занятия в особенности!...» (письмо 2). На основании этих слов можно предположить, что литературные интересы Парихина пробудились в начале 1820-х гг. Под «письменными занятиями» Парихин мог подразумевать как опыты самостоятельного сочинительства, так и записи народного творчества.

В письме к В.Ф. Одоевскому от 6 июня 1844 г. Парихин сообщает, что решил доставить ему рукопись с тысячью русских пословиц, которые собирал «в продолжении двадцати лет»¹⁵, то есть он начал собирать пословицы около 1824 г.

Известно, что в 1829 г. Парихин записал со слов 90-летней женщины две старинные свадебные песни: «Ах вы, девки, девушки» и «Как на синем на море»¹⁶.

Хотя письма Сахарова к Парихину не сохранились, мы можем реконструировать отчасти их содержание. По-видимому, Сахаров сразу высоко оценил материалы тихвинского собирателя и спросил разрешения сослаться на его записи в своих изданиях, см. в письме Парихина от 15 сентября 1839 г.:

---

¹³ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 2. С. 35 (примеч. 27).

¹⁴ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 153–154; Топорков А.Л. «В наших Сказаниях не все то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И.П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 141–154; Топорков А.Л. Заговоры от вражеского оружия в контексте фольклорных фальсификаций И.П. Сахарова // Russian Literature. 2017. № 93/94. P. 103–130.

¹⁵ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 148.

¹⁶ Там же. С. 143.

Я сам страшусь своей смелости, но не могу кончить, не сказавши еще нескольких слов на ваше письмо. Вы пишете мне, что будете говорить о моих трудах в своих книгах и оканчиваете вопросом: «Верно это дозволите мне?» Боже правды!... Иван Петрович! Пошадите меня! Дозволю ли я говорить о себе печатно! Да стою ли я этого! Стоят ли мои ничтожные труды, чтобы говорить об них! Да это я почел бы для себя неизреченным счастьем, высочайшим благом, когда б вы после этого письма удостоили хотя одним словом упомянуть обо мне в своих книгах! (письмо 2)

Высокие оценки Сахарова, по-видимому, показались Парихину незаслуженными, и он даже сомневался в их искренности, о чем можно судить по следующим словам: «Прочитавши ваши письма, я не знал, что думать! Мистифицируете ли вы меня, или пишете от души! В последнем убеждала меня искренность ваших выражений, но... Отчего я так думал, быть может, спросите вы? Оттого, милостивый Государь, что я вовсе не заслуживаю того лестного отзыва, которым вы меня удостоиваете, которого я не смел и не осмелюсь присвоить себе!» (письмо 2).

Сообщая сведения о своей семейной жизни, Парихин опасался, что станет предметом насмешек, а его письма будут демонстрироваться другим людям как пример провинциальных нравов: «Надеюсь, что вы как благородный человек не станете показывать моего письма и смеяться моей откровенности!» (там же).

По-видимому, Парихин испытывал определенные трудности при сочинении своих посланий, так как понимал, что навык ведения деловой переписки с определенными клишированными оборотами и стандартными формулами обращения и завершения не годился для переписки со столичным издателем. Сам он обратил на это внимание адресата в начале своего второго письма:

Письмо ваше, пущенное от 22 октября 1838 года и другое 29 января 1839 года, я имел честь получить и содержание их видеть!

По привычке начинать этими словами, одними и теми же, каждое письмо, я невольно начертил их и здесь! Пусть же они и останутся тут, как обрашник штиля обыкновенных наших писем, и хотя несколько извинят меня в бессвязности сего письма. Оно первое, которое я пишу в ответ не к своему брату купцу, о товаре или уплате денег и тому подобном, касающемся до коммерции, а потому и покорнейше прошу вас заранее о снисходительности к беспорядочному, но откровенному и чистосердечному моему посланию.

Далее Парихин жалуется на то, что в его письме наверняка имеется много грубых ошибок, а он не имеет возможности их опознать и исправить:

Так как вам уже известно из сего письма, что я не получил никакого образования, и не знаю ничего основательно, то сделайте милость, пришлите мне чрез сего письмоподателя каких-нибудь учебных книг, из которых бы я мог почерпнуть правила русского языка для изложения своих мыслей на бумагу в должном порядке. А то, ей Богу, мне стыдно перед вами. Может быть, в моем письме что строчка, то ошибка, и я их не вижу; не могу исправить потому, что не знаю. Даже не знаю того, какие книги мне нужны для руководства, чтобы писать хотя несколько правильно и без грубых ошибок.

Письма Парихина представляют определенный интерес с лингвистической точки зрения, поскольку во многом воспроизводят его спонтанную повседневную речь с просторечием и диалектными формами.

Деловой стиль, к которому привык Парихин, в его письмах сочетается с литературным стилем в духе романтической прозы любимого им А.А. Марлинского. В одном и том же предложении встречаются и гиперболы, и канцелярские обороты, например: «Я думаю, что вы никогда *не встречали неудачи в своих предприятиях* и родились *под самой счастливейшей из миллиона миллионов звезд, украшающих небо*, которая не только на вас, но и *на имеющих с вами малейшее сношение* проливает благотворные лучи света» (письмо 3; курсив мой — А.Т.).

Хотя Парихин делает многочисленные орфографические ошибки, в целом его письма производят художественное впечатление, в них сохраняются живые интонации его колоритной личности. Обширные фрагменты его писем состоят из восклицательных предложений, например:

Теперь остается мне только благодарить вас как за подарок, так и за доброе ваше ко мне расположение, но это превышает мои силы! Сам красноречивейший Марлинский, в минуты высочайшего вдохновения, пламенным пером своим не выразил бы и сотой доли моей к вам благодарности! Что же могу сделать я, убогий — нищий — в красноречии!.. Я могу только чувствовать, сильно, глубоко чувствовать к вам благодарность! Откровенную, искреннюю благодарность, для выражения которой не изобретено еще слов — да и что слова: передадут ли они вам то чувство, которое горит во мне — да

и поверите ли вы им! Да и как знать, какое впечатление произведет на вас самое сильнейшее по-моему слово! Может быть, оно заставит вас рассмеяться! Бедные, жалкие слова, безжизненные чернильные каракули, вы никогда не сольетесь с чувствами, никогда не выразите их вполне — ни во веки веков, не передадите их так, как следует!.. Да, слова навсегда останутся словами, а чувства чувствами! В искренности моих к вам я могу поклясться всем священнейшим в мире! (письмо 2).

Парихин передает свое эмоциональное возбуждение посредством эмфатических повторений отдельных слов. Например, во втором письме на протяжении двух предложений 7 раз встречается глагол «Благодарю!»: «За что искреннейше благодарю вас, почтеннейший Иван Петрович! Благодарю за книги, за письмо; благодарю за ваше доброе расположение; благодарю за все пламенно и усерднейше благодарю вас! И снова повторю: *Благодарю, благодарю!*» (подчеркнуто Г.И. Парихиным).

Характерная черта стиля Парихина — активное использование превосходной степени прилагательных: *почтеннейший, счастливейший, глубочайший, милостивейший, покорнейший и даже наивсепокорнейший, всенижайший, первейший, ревностнейший, красноречивейший.*

Парихин неоднократно жалуется на отсутствие образования и обращается к Сахарову с просьбами помочь ему присылкой книг и руководством в их выборе для чтения. Впрочем, из писем Парихина выясняется, что он был знаком с творчеством В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина и А.А. Марлинского, выписывал книги из Петербурга, переплетал издания сказок в конволюты. В связи с этим самоуничижительные характеристики Г.И. Парихина не всегда можно воспринимать буквально.

Местами стиль Г.И. Парихина приобретает балагурный характер. В соответствии с принципами народной смеховой культуры он как бы делает самого себя предметом добродушного осмеяния:

Жуковский и Пушкин везде у места: они помогли и мне привести к окончанию рацею болтовни моей. Вижу и чувствую, что она *глупа до крайности, длинна до бесконечности, скучна до приторности*, и не могу переменить ее! Нет смысла написать лутче! А вы сами знаете, что на нет и суда нет! Притом же у меня есть союзница-заступница — беспримерная доброта ваша! И сверх того, кто питался надеждою хотя один раз в жизни, в том числе и аз грешный, на этот раз льщусь и надеюсь, что вы одну половину болтовни моей велико-

душно простите; за другую не станете строго взыскивать и порадуете меня ответом! (письмо 2; курсив мой — А.Т.).

Во втором письме к Сахарову рисуются живые картины нравов, например:

Образования я не получил никакого, кроме того (если то стоит назвать образованием), какое можно было получить в приходской школе, около двадцатых годов, — когда у 70 или 80 учеников бывал только один учитель! Да и тот для того лишь заглядывал в класс, чтоб скомандовать: «Собирайтесь!» — «Иван Иванов! Читай молитву!» — «Расходитесь!» — и только! Правда, он иногда оставался в классе, пока мы не очистим залы, бросаясь друг перед дружкой вон, как сорвавшиеся с цепи собаки, и, умильно улыбаясь, приговаривал: «Тише! Тише!»

Трудно сказать, давал ли Сахаров Парихину какие-нибудь советы относительно собирания фольклорных материалов. Учитывая, что Парихин неоднократно просил его об этом, можно предполагать, что Сахаров сообщил ему, какие жанры народной словесности его интересуют.

В свою очередь Парихин посоветовал Сахарову публиковать свадебные песни вместе с описаниями соответствующих обрядов и отмечать различия в песнях и обрядах из разных местностей¹⁷. И в письмах к Сахарову, и в примечаниях к собранным им материалам Парихин настаивает на том, что песни нужно записывать дословно и с голоса, а не под диктовку. Он фиксировал тексты с повторами и разночтениями, сообщал сведения об их исполнителях. В своей публикации пяти святочных песен Парихин поместил обширное подстрочное примечание, в котором утверждал, что он никогда не изменил в записанных им песнях ни одного слова, и сетовал на таких издателей, которые позволяют себе «самоуправство с русскими старинными песнями»:

Впрочем, кто с какой точки смотрит на старинные песни: иной и вовсе не стал бы расспрашивать о такой бездельнице — об одном недостающем стихе, и для полноты песни заменил бы его по своему произволу каким-нибудь другим подходящим под масть, что и мне сделать советовали; но *я никогда не посягну на такое самоуправство с русскими*

¹⁷ Там же. С. 147.

*старинными песнями, какое позволяют себе некоторые издатели; и как здесь, так и везде при сообщении старины не прибавлю и не убавлю от себя ни полслова, а со всей дипломатическою точностию (передавал) передаю и буду передавать только то, что слышал из уст русского народа, просто, ясно и без всяких прикрас*¹⁸.

Между тем Сахаров относился как раз к тем недобросовестным публикаторам, которые свободно обращались с текстами, правили и сокращали их по своему желанию. Всё это со временем могло привести к явному или скрытому конфликту между собирателем и его публикатором, однако с Парихиным этого, по-видимому, не произошло. Во всяком случае, у нас нет данных, которые позволили бы судить о том, что Парихин был недоволен тем, как публиковались его материалы в «Сказаниях» и «Песнях русского народа».

С точки зрения историко-психологической заслуживает внимания своеобразный диалог между купцом-самоучкой и столичным публикатором. Роли обоих участников этого диалога весьма неоднозначны. Парихин, с одной стороны, ощущает свою необразованность и затрудняется определить, что именно ему следует записывать. С другой стороны, он знает, как нужно записывать фольклор, и владеет практическими навыками собирателя, не стесняется высказывать свое мнение перед петербургскими знаменитостями и даже вступать с ними в полемику. Сахаров же, с одной стороны, ведет заинтересованную переписку с Парихиным и посылает ему свои издания, помещает его материалы в своих сборниках и высказывает ему благодарности в предисловиях к ним. С другой стороны, он не только публикует произведения народного творчества, но и занимается их стилизацией и мистификацией в духе «официальной народности».

Фольклорные записи Парихина представляют интерес как примеры необработанных материалов, собранных в 1820–1830-е гг. Если Сахаров правил тексты, которые ему передавали, и даже сочинял сказки и заговоры, выдавая их за аутентичные образцы фольклора, то Парихин, по-видимому, просто записывал те произведения, которые ему удавалось услышать, или копировал их с предоставленных ему рукописей. У нас нет никаких оснований предполагать, что Парихин что-то осознанно и целенаправленно правил в этих текстах, как это делал Сахаров. Другой вопрос, что как поэт-любитель он сам мог сочинить какую-нибудь песню в народном духе.

¹⁸ Парихин Г. Старинные святочные песни // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1840. Ч. 6. Гл. 3. С. 89, примеч.; курсив мой — А.Т.

В целом Парихин мог только радоваться тому, что его записи получили такую высокую оценку известного публикатора, историка и журналиста и быстро печатались в его изданиях. Не случайно его письма переполнены выражениями благодарности и восхищения.

Можно предположить, что Парихин пережил определенное разочарование, когда его материалы появились в первом томе третьего издания «Сказаний» и он увидел, что они частично опубликованы в переработанном виде, а частично без ссылки на имя собирателя. При подготовке к публикации своей коллекции загадок в 1842 г. Парихин исключил из нее около 60 текстов, которые буквально совпадали с загадками, помещенными в 1841 г. в «Сказаниях». Вряд ли Парихин не понимал, что Сахаров заимствовал эти загадки из его рукописных материалов, присланных им ранее из Тихвина, хотя Сахаров и указал, что все эти загадки записал он сам в Туле и в Москве¹⁹.

Особая ценность фольклорных материалов Парихина обусловлена тем, что они позволяют установить на документальной основе, как именно Сахаров работал с фольклорными текстами, которые передавали ему другие собиратели. А это в свою очередь дает материал для оценки всего фольклористического наследия Сахарова.

Еще в 1839 г. Парихин писал Сахарову о своих проблемах со здоровьем: «... время летит, а я вот уже более четырех месяцев нездоров и не выхожу из комнаты. И только недавно оторвался с постели» (письмо 2). Судя по письму к В.Ф. Одоевскому от 6 июня 1844 г., к этому времени Парихин оказался в бедственном физическом и материальном положении. Тихвинский краевед сообщает князю, что его имущество сторело во время пожара и он окончательно разорился. Парихин описывает свою нищету и умоляет В.Ф. Одоевского о материальной помощи:

Я имел достаток и состояние, но несчастные обстоятельства по торговле и пожар, а главное продолжительная болезнь — вот уже 16 лет, как день-два здоров, а недели и более нездоров — довели меня до самого критического положения и свергнули в совершенную нищету. Не имея никаких средств к существованию, ибо бедность моя ныне так велика, что я не знаю, буду ли иметь на завтра кусок хлеба или день голодом, что уже и случалось неоднократно, и наслышавшись о беспримерной доброте вашей,

¹⁹ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 151–152.

я решился доставить прилагаемую при сем рукопись тысячи русских пословиц, которые я собирал в продолжении двадцати лет, в том мнении, что оная может вам годиться для вашего издания, и убедительно вас просить: если она сколько-нибудь заслуживает ваше внимание, то сделайте милость, соблаговолите мне за нее какую-нибудь сумму, я буду доволен и самую малостию. Буде же оная для вас не годится, то умоляю вас именем Бога, соблаговолите мне из сострадания к человечеству что-нибудь на бедность²⁰.

Письмо подписано: «Тихвинский (прежде бывший купецкий), мещанский сын», то есть Парихин был исключен из гильдии по причине его банкротства и разорения.

Ниже публикуются 5 писем Парихина к Сахарову: 4 письма 1839 г. из РНБ и одно 1840 г. из РГБ. Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам. Очевидные орфографические ошибки исправлялись, однако сохранены диалектные и просторечные слова и выражения: *скался* (л. 52), *причина* (л. 52 об., 59, 59 об., 60), *нынечь* (л. 54 об.), *окроме* (л. 55, 58 об., 59 об.), *ндравилося* (л. 55 об.), в нонешном (л. 58), между прочим (л. 58 об.), лудче (л. 59 об.), лудчий (вместо лучший) (л. 59 об.), *надать* (л. 60), *впродчем* (л. 62) и др. Встречаются примеры фонетического письма: *щет* (л. 52 об.), *обрацик* (л. 55), *сщастие* (л. 55 об.), *нащет* (л. 56 об.), *покляся* (вместо покляться) (л. 57).

Слова, подчеркнутые автором, выделяются курсивом или даются в кавычках в зависимости от контекста.

1. Г. И. ПАРИХИН — И. П. САХАРОВУ

22 января 1839 г.

(л. 52)

Милостивейший Государь (если не ошибаюсь) Иван Петрович!

Извините меня великодушно, что я, не зная вашего чина, пишу к вам просто и осмеливаюсь беспокоить вас своим письмом.

Производимая мною торговля требует непрерывных разъездов по самым заулесным²¹ деревням, во время которых в продолжении 10 лет я слышал много *заговоров*, но не думая, чтобы они могли

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ В ркп. *заулестным*.

заслуживать какое внимание и быть когда-либо напечатанными, пускал их мимо ушей! Вы, Милостивый Государь, разуверили меня в противном, напечатав часть таких *заговоров* в 1-й книге «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков». Как я скаялся²² после этого, что не собирал этих простонародных поверьев и суеве-рий; теперь я мог бы доставить их вам на целый том, — но прошедшее невозвратно! По выходе вашей книги я стал по возможности собирать все относящееся к простому быту крестьян, и в том числе и *заговоры*! Вы сами изволите знать, что собирать их не так легко, как, может быть, думают многие и судя по себе думаю, что вам, Милостивый Государь, не безделицы стоило собрать столько *заговоров*, сколько вы напечатали в своей книге. *Полагаю²³, надобно было много времени, а оно драгоценнее всего человеку!

Собрав несколько заговоров, я послал из них прошедшего лета Господину Краевскому 5-ть или 6-ть штук с просьбою напечатать их в «Литературных Прибавлениях». Он был так добр, что обещал это сделать. Прошло много времени, но посланные мной заговоры не помещались в «*Литературных²⁴ Прибавлениях»; полагая из этого, что эти ж самые // (л. 52 об.) заговоры уже напечатаны в вашей книге (которой я не имею) или не заслуживают внимания, я не хранил остальных, которые, как мне казалось, еще менее стоили внимания, и приостановился собранием впредь, не зная, собирать ли их или нет. Только лишь недавно известился я от г. Краевского, что не вышеозначенные придчины²⁵ помешали к напечатанию доставленных от меня заговоров, а не позволила цензура; вместе с тем узнал я, что он передал вам эти заговоры. Еще раз прошу извинить меня великодушно за такое длинное вступление моего письма. Постараюсь закончить его в немногих еще словах.

Естли вы поощрите меня своим вниманием и естли вам угодно, Милостивый Государь, то я готов доставлять вам по возможности все, что узнаю касательно деревенских и городских простонародных поверьев и суеве-рных обрядов, а также и старинные русские песни, как простые, так и свадебные, которых я имею порядочное собра-ние, из числа которых, может быть, найдутся и неизвестные вам. Но чтобы мне не терять напрасно времени на то, что уже у вас напеча-тано, то осмеливаюсь всепокорнейшее просить вас, соблаговолите мне на время изданные вами книги «Сказания» и «Песни Русского

---

²² Так в ркп.

²³ Вписано над строкой.

²⁴ В ркп. *литературная*.

²⁵ Так в ркп.

народа», все вполне. Если эти книги не будут составлять вам большого щету²⁶ и если труды мои будут заслуживать ваше внимание, то наделите меня вашими книгами без возврата, потому что, скажу вам откровенно, по неприятным обстоятельствам, случившимся по коммерции, я не имею лишних денег приобрести эти книги покупкою. За одолжение меня книгами я буду весьма и весьма вам благодарен. К тому же этим одолжением вы обяжете меня к ревностнейшему собиранию простонародных преданий, из коих доставляю вам // (л. 53) на первой раз 4 заговора и 9 песен — наудачу, не зная, находятся ли они в вашем собрании или нет, — и одну (из десятка известных мне) счетную скороговорку, которая употребляется в городах мальчиками, а в некоторых деревнях взрослыми, при играх, описание которых повело бы меня далеко; и к тому же я доставляю эту скороговорку вам на пробу, не зная, стоит ли внимания собирать ей подобные, о чем осмеливаюсь просить вас известить меня хотя одним словом чрез подателя сего письма! Для меня будет достаточно, если вы потрудитесь чиркнуть на лоскутке бумаги «да!» — или «нет!» — не будут ли еще для вас годны самые простые загадки. У меня тоже есть их запасец, из которого прилагаю при сем 5 штук.

С истинным почтением ваш покорнейший слуга тихвинской купецкой сын Григорей Парихин.

NN Я предполагал доставить вам 5 загадок, но сейчас узнал, что они тоже входят в состав «Сказаний русского народа», и, что вы уже напечатали во 2-й части до 250 загадок, потому я вместо 5-ти доставляю вам 20 загадок, в том чаянии, что из сего числа, может быть, найдутся хотя две-три неизвестные вам. Впрочем²⁷, искренно желая чем-нибудь быть вам полезным, присовокупляю к этому на ваше усмотрение 3 суеверные приметы. Если они идут к делу, то я по желанию вашему могу доставить еще в этом же роде дюжины две-три-четыре.

22 января 1839 года.

Тихвин

РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). Ед. хр. 42. Л. 52–53.

Данное письмо близко по содержанию письму, которое было отправлено Парихиным А.А. Краевскому 8 июля 1838 г. и позднее передано по-

²⁶ Так в ркп.

²⁷ Так в ркп.

следним Сахарову вместе с пятью заговорами²⁸. Краевский предполагал напечатать письмо Парихина вместе с заговорами в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», однако публикация заговоров была запрещена цензурой²⁹. Вероятно, письмо Парихина А.А. Краевскому изначально предназначалось им для печати.

...«Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков». — Еще в 1835 г. Сахаров подготовил к изданию рукопись 1-го тома «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков». Книга увидела свет в 1836 г. с подзаголовком «Сказания русского народа о чернокнижии», а в 1837 г. понадобилось ее 2-е издание. В том же году были опубликованы 2-я и 3-я части «Сказаний» с подзаголовками: «История русской народной литературы» и «Русские свадебные песни». Наибольшей оригинальностью, безусловно, отличалась часть 1-я, поскольку здесь впервые было опубликовано довольно большое собрание заговоров (всего 41 текст), описания магических способов воздействия на человека и гаданий. После этого Сахаров приступил к подготовке расширенного издания «Сказаний», которое по его плану должно было составить семь томов в тридцати книгах. Правда, увидели свет только два тома в четырех книгах каждый, но и в таком виде труд Сахарова поражал своим масштабом. Первый том нового издания «Сказаний» вышел в 1841 г.; его вторая книга называлась «Русское народное чернокнижие»; коллекция заговоров была включена в раздел «Сказания о кудесничестве». В публикациях 1836, 1837 и 1841 гг. количество заговоров постепенно увеличивалось: если в 1-м издании «Сказаний» был только 41 текст, то во 2-м — уже 57, а в 3-м — 64. Впрочем, заговоры можно встретить и в других разделах «Сказаний», поэтому приведенные цифры имеют относительный характер.

²⁸ Текст письма см.: Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 143–145.

²⁹ Там же. С. 145.

56

и в то уме склеивается переплетено из титана, и только испаряясь об томъ, этот покровъ съединяет
 съ обладателемъ сказокъ, но на противъ, парочно заводитъ съ книгъ сорня, забурлаиваетъ ивъ сама, инакше не
 мож! Ограничивъ любопытство мое въсно пѣва стирания, мнѣ хотѣлось узнать что это за сказки! Какъ
 прити назвать — (читаетъ ивъ друга въ поминкии пѣвю) — Какъ они: Вѣнчико-ли — Машиночки и тѣло —
 Но гдѣ въ разѣ никакъ мнѣ непространство дѣлать, и мнѣ быль замечать! Новыя труды — товорилъ
 прислалъ съ собой сказки, и отдавалъ мнѣ паразитическѣ волю предостереженія классъ. Но этого для
 меня уже было достаточно; и въ доску ивъ дѣлать, ибъиши мѣшавъ съ самой первой попытки, съиши
 фразы прижились за сказки! За всю, королева, за Иванъ Царевича, и другія подобныя мнѣ знакомыя
 вышлыва ивъ утѣшитель на успѣшныи чте стности мнѣ картинны! Эти сказки первенцы мѣшавъ мнѣ
 къ тѣмъ и первая книжи мѣшавъ вышлываи паразитическѣ въ несколько хорошихъ стности, доиши
 перъ собранности! мнѣ для памяти, и право въ ибъи, ивъ мнѣ гораздо вышлыва замечательности, какъ
 возмозжъ, ибъиши мнѣ, но мнѣиши повествовъ ироманов! Новыя сказокъ оти мнѣ къ тѣмъ какъ
 разговаривал! Повествовательныи дѣлать такыи вышлыва: Французскѣ Велюнкъ и неубѣдливый Милордъ съ
 Ладришислыва — Эти книжи показыва мнѣ охотѣи сказокъ: и въостраннаго тогда, что мѣшавъ мнѣ
 вѣдѣи, тѣмъ еще до охотѣиши! Въ Милордѣ, разговарива предостереженія фалстасфическѣи цѣль чѣлыва
 мѣшавъ — идеаломатическѣи разказовъ Шекспира! Это были книжи полученыя мнѣ изъ ниторыи
 и что всего интереснѣе вышлываи свое вышлыва! Я думаю, что мѣшавъ мнѣ уже мѣшавъ
 вышлыва въ свѣтъ, но въостраннаго въ свѣтъ за Шекспира — на цѣлю Роландъ, (которыи и оживилъ перъ
 вѣнчиконыи паридъ моего тѣмъ, и который ивъ замочу свое перѣвъ) предостереженія въ мнѣ оживилъ
 Милордъ ибъиши новъ показыва предостереженія совершено мѣшавъ! Красота повѣи и сказки я еще мѣшавъ
 тогда на одну стности, и Роландъ свое стности, вышлыва безъ примерныи хорошихъ под-
 вышлываи брѣвъ безъ условной брѣвъ падаи мнѣиши разказали Шекспира! Книжи буржуйскѣи Роландъ.
 Непадъ одного Шекспира брѣвъ отъ безъ условной брѣвъ! Небыло книжи ни паридъ ни пѣвю, кото-
 рѣ и читавъ бы стности въостраннаго съ такою внимательности, и така скоро какъ читавъ
 и Роландъ! Три части вышлываи на глѣти мнѣиши читавъ въ первый разъ, во второиъ разъ
 по поидѣи, вышлываи книжи къ достаточу вѣтра! въ вѣсѣиъ часѣи истрогитѣи его отъ доски до доски
 на оживилъ составъ! Златое время! Златая книжа! Въ ней вышлываи почитно мнѣиши все! Отъ сама
 до сама, дѣлать и толковалъ съ вѣи! Это какъ глѣти суровѣи мнѣ, пошлываи отъиши заблѣиши-
 ныи книжи предостереженія повѣиши стностии глѣти падаи мнѣиши выражѣиши, стностии
 почитно это оно — драгитъ! — Это и теперь многи вышлываи стности паразитическѣи стностии

Фрагмент письма 2.

2. Г.И. ПАРИХИН — И.П. САХАРОВУ

15 сентября 1839 г.

(л. 55)

Милостивейший Государь Иван Петрович!

Письмо ваше, пущенное от *22 октября 1838 года и другое³⁰
 29 генваря 1839 года, я имел честь получить и содержание их видеть!

³⁰ Вписано над строкой.

По привычке начинать этими словами, одними и теми же, каждое письмо, я невольно начертил их и здесь! Пусть же они и останутся тут, как образчик³¹ штиля обыкновенных наших писем, и хотя несколько извинят меня в бессвязности сего письма. Оно первое, которое я пишу в ответ не к своему брату купцу, о товаре или уплате денег и тому подобном, касающемся до коммерции, а потому и покорнейше прошу вас заранее о снисходительности к беспорядочному, но откровенному и чистосердечному моему посланию.

Прочитавши ваши письма³² я не знал, что думать! Мистифицируете ли вы меня, или пишете от души! В последнем убеждала меня искренность ваших выражений, но... Отчего я так думал, быть может, спросите вы? Оттого, милостивый Государь, что я вовсе не заслуживаю того лестного отзыва, которым вы меня удостоиваете, которого я не смел и не осмелюсь присвоить себе! Я никогда не был расположен пользоваться ошибками честных и благородных людей (хотя мимоходом сказать, это служило мне более во вред, нежели в пользу). И в этом случае более, нежели когда-либо, не хочу воспользоваться хотя и очень лестным для меня, но, быть может, ошибочным мнением честного и благородного человека — мнением вашим, пока не объяснюсь с вами и не скажу вам, кто я и что я!

Сделать это объяснение я нахожу не только нужным, но даже поставляю себе за непрременный долг и обязанность, чтобы вывести вас из заблуждения, в котором, как мне кажется, находитесь вы касательно меня, и потому покорнейше прошу вас не поскучать моим портретом.

Я, тихвинский третьей гильдии купецкой сын, имею родителя, которой (заметьте это) почти вовсе не терпит книг; матушку, которая вполнину пренебрегает ими, и жену тоже вовсе не охотницу до чтения; а потому, избегая неудовольствий, я читаю, пишу и получаю журналы украдкою (вот вам объяснение, почему ваши книги обратились назад)! Но всегда ли уберешься? Иногда книги попадают не туда, куда следуют, отчего происходят семейные сцены, хотя самые пустяшные, однако ж все-таки неприятные^{33**}, потому что прежде мне не запрещали читать, но довольно об этом!

Образования я не получил никакого, кроме того (если то стоит назвать образованием), // (л. 55 об.) какое можно было получить в приходской школе, около двадцатых годов, — когда у 70 или 80

³¹ Так в ркп.

³² За небытностью в Тихвине, это случилось 17 апреля. (Примеч. Г. Парихина.)

³³ **Надеюсь, что вы как благородный человек не станете показывать моего письма и смеяться моей откровенности! (Примеч. Г. Парихина.)

учеников бывал только один учитель! Да и тот для того лишь заглядывал в класс, чтоб скомандовать: «Собирайтесь!» — «Иван Иванов! Читай молитву!» — «Расходитесь!» — и только! Правда, он иногда оставался в классе, пока мы не очистим залы, бросаясь друг перед дружкой вон, как сорвавшиеся с цепи собаки, и, умильно улыбаясь, приговаривал: «Тише! Тише!»

После этого судите сами, учили ли нас? Вы, конечно, поверите мне на слово, если я скажу вам, что *писать* и читать, а также и первых четырех правил арифметики я выучился самоучкою с самого вступления моего в школу; вместо того, чтобы учить букварь, я принялся за перо и учился, то есть числился в школе, всего 5 лет, но в это время едва ли я 365 раз побывал в классе! Иной день болела голова, иной день спина! Там была имянинница тетушка, иногда учителя не было дома, и мы все вместе со старшим отправлялись вместо класса купаться на ручей!

Вот вам мое образование! Если же теперь я и выхожу несколько из круга моих собратий купцов и товарищей учеников (из коих многие оставили школу не выучившись писать), то этим единственно обязан охоте к чтению. И решительно одной охоте, потому что я был так несчастлив, что с самого оставления школы и до сего времени не было ни малейшего случая, не нашлось ни одного человека, от которого бы я мог получить хотя малейшую часть каких сведений; даже хотя бы совет, какие книги читать для первоначального понятия о той или другой науке!

Может быть, вы пожелаете узнать, как запала ко мне в душу охота к чтению? Право, я и сам не знаю! Помню только, что дойдя в школе до *бра* и *зла*, я стал собирать картинки, приобретая их от товарищей за козны, орехи и яблоки! Главное достоинство этих картинок заключалось для меня не в самых сюжетах, на них намалеванных, а в подписях, объясняющих их содержание; разбирать эти подписи нравилось³⁴ мне несравненно более, чем разбирать в букваре уроки! Оне завлекали мое любопытство и были, так сказать, первым зерном страсти моей к чтению книг! Но едва это зерно начало пускаться отрастели, как прекратился источник, его орошающий! Прервалось собиранье картинок, пресеклось любопытное мое чтение, и страсть моя к оному, не имея вновь пищи, начала гложнуть день за день и едва-едва не пропала с корнем в самом начале, потому что подписи на старых картинках не интересовали меня уже нисколько, а новых у товарищей не оказывалось; к счастью³⁵, у некоторых из

³⁴ Так в ркп.

³⁵ Так в ркп.

второклассных (старших в классе) были сказки. И, к счастью, я узнал об этом *недолго*, иначе не писать бы мне к вам этих строчек. Другая склонность и склонность дурная уже быстро развивалась во мне, и сильно теснила остатки прежней! Еще неделя, и, может быть, заглушила б ей³⁶ вовсе, потому что, сколько упомяну, // (л. 56) я и то уже охладел препорядочно к чтению, и не только не старался об том, чтоб поскорее сблизиться с обладателем сказок, но, напротив, нарочно заводил с ним ссоры, задираю их сам и на них же жаловался! Однако ж любопытство мое было подстрекнуто, мне хотелось узнать, что это за сказки! Посмотреть на них (читать их у меня и в помышлении не было), какие они: большие ли, маленькие ли и только! На первой раз желание мое не простиралось дальше, и мир был заключен! Новые друзья-товарищи принесли с собой сказки и отдали их мне на рассмотрение во все продолжение класса. Но этого для меня уже было недостаточно; я выпросил их домой, и, одним словом, с самой первой попытки обеими руками принялся за сказки! За «Бову королевича», за «Ивана Царевича» и другие подобные им знаменитости, выменивая их у товарищей на успевшие уже опостыть мне картинки! Эти сказки, первенцы любви моей к чтению и первые книги моей библиотеки, переплетенные в несколько хороших томиков, до сих пор сохраняются мною для памяти, и, право, в иных из них гораздо более занимательности, чем во многих, и очень многих, но немних³⁷ повестях и романах! После сказок охота моя к чтению не перерывалась! Последовательным³⁸ за ним чтением были: Франциль Венциан и неизбежный Милорд с Марцебрисом — эти книги показались мне скучнее сказок: я не воображал тогда, что любопытство доведет меня еще до скучнейших! За Милордом развилась предо мной фантастическая цепь увлекательных³⁹ — и завлекательных⁴⁰ рассказов Шехеразады! Это были книги, полученные мною из Питербурга и, что всего интереснее, были собственного моего выбора! Я думал, что любопытнее их уже ничего не может быть в свете; но выступивший вслед за Шехеразадою на сцену Роланд (которым и оканчивался первоначальный период моего чтения, и которым я заключу свою перечень) превзошел все мои ожидания. «Тысяча и одна ночь» казалась перед ним совершенною мелочью! Красоты поэмы и сказки я еще мерял тогда на один аршин, и Роланд своею общностью, своими беспримерными геройскими подвигами

³⁶ Так в ркп.

³⁷ Чтение условное; возможно чтение *нежных*.

³⁸ В ркп. *последовательным*.

³⁹ В ркп. *увлекательных*.

⁴⁰ В ркп. *завлекательных*.

брал безусловной верх над умными рассказами Шехеразады! Милый бесценный Роланд! Не над одною Шехеразадою брал он безусловной верх! Не было книги ни прежде, ни после, которую я читал бы с таким восхищением, с такою внимательностью, и так скоро, как читал я Роланда! Три части влюбленного, начатые мною читать в первый раз, во втором часу по полудни, были кончены к десятому вечера! В восемь часов я прочитал его от доски до доски, не срываясь со стула! Золотое время! Золотая книга! В ней было понятно мне все! От слова до слова, знал и толковал я все! Зато как часто случалось мне, после этих заброшенных книг, пробегая новейшие, сиживать часа по два над иным выражением, стараясь понять, что оно значит! Даже и теперь многие выражения и знаки по разным отростам // (л. 56 об.) наук, как, например: астрономии, геометрии, физике, математике и многим другим, ставят меня в совершенный тупик; о самых же этих науках я не имею никакого понятия и знаю только их по названиям!

Вот вам мой портрет и моя откровенная чистосердечная исповедь. За излишнюю болтовню прошу великодушно простить, потому что она казалась мне необходимою, для того чтобы вы вернее могли судить обо мне! Но чтобы суждение ваше получило более полноты и верности, позвольте прибавить мне о себе еще следующее! Если б познания мои в науках равнялись моему усердию и любви к русской словесности, я беззаветно и безвозмездно обрел бы себя трудничеству на пользу ея; смело и бесстрашно бы спустился в самые глубочайшие шахты на разработку драгоценнейших рудников русской народности; и был бы, может быть, чем-нибудь полезен словесности! Но это одни лишь слова, которые, к несчастью, я ничем не могу подтвердить на деле! По крайней мере я бы желал хоть сколько-нибудь оправдать их исполнением, со всевозможным усердием, по крайнему моему разумению ваших поручений, если вы будете столь добры, что удостоите меня этим. На счет же собственных действий при собирании русской простонародности, я откровенно скажу вам, что я настоящий слепой, которой не видит ни солнца, ни свечки! Но в действительности последней убедится скорее, обжегши на ней пальцы.

После всего сказанного вы легко поймете, почтеннейший Иван Петрович, как то: почему я мог усумниться в искренности ваших посланий и счесть оные остроумной шуткой светского человека, равно как и то, почему я не мог (и не могу) принять на свой счет ни одного слова из вашего письма^{41*}, и колыми паче воспользоваться лестным

---

^{41*} Я получил их оба вдруг и потому сливаю их воедино. (Примеч. Г. Парихина.)

вашим мнением, пока вы не сделаете вновь заключения, в какой степени я могу оправдать его!

Теперь остается мне только благодарить вас как за подарок, так и за доброе ваше ко мне расположение, но это превышает мои силы! Сам красноречивейший Марлинский, в минуты высочайшего вдохновения, пламенным пером своим не выразил бы и сотой доли моей к вам благодарности! Что же могу сделать я, убогий — ничий — в красноречии!.. Я могу только чувствовать, сильно, глубоко чувствовать к вам благодарность! Откровенную, искреннюю благодарность, для выражения которой не изобретено еще слов — да и что слова: передадут ли они вам то чувство, которое горит во мне — да и поверите ли вы им! Да и как знать, какое впечатление произведет на вас самое сильнейшее по-моему слово! Может быть, оно заставит вас рассмеяться! Бедные, жалкие слова, безжизненные чернильные // (л. 57) каракули, вы никогда не сольетесь с чувствами, никогда не выразите их вполне — ни во веки веков, не передадите их так, как следует!.. Да, слова навсегда останутся словами, а чувства чувствами! В искренности моих к вам я могу поклясться всем священнейшим в мире! Вы и без клятвы поверите этому, если я скажу вам, что в продолжение 17 лет ваше письмо было первое одобрение, первое ласковое слово за пристрастие мое к словесности вообще и за письменные занятия в особенности!.. До вашего письма я только и слышал: «Дались тебе эти книги, пустякам⁴² занимаешься», и тому подобное с приложением не очень вежливых эпитетов, даже от многочисленных читателей моих книг (которых они зачитали у меня на веку около сотни и в том *числе⁴³ «Историю» Карамзина первого издания) не слышал я слова отрады, у меня брали книги да меня же и осуждали, зачем я трачусь на книги^{44*}. За письменные же мои занятия, надо сказать правду, я реже слышал упрёки. Но и редки да метки были они! От них надрывалось сердце и рука покидала перо — надолго!.. И надолго пропадала охота писать, и, собирая на бумагу, сохранять разбросанные клочки старинной русской народности!.. Чтоб не имели вы сомнения в сказанном, приведу вам для примера последний случай, постигший меня за писанье.

Во 2 № «Литературных Прибавлений» нынешнего года добрый и снисходительный г-н Краевский напечатал мою статью «Провинциальные увеселения». Положа руку на сердце, я смело скажу,

⁴² Так в ркп.

⁴³ Приписано сверху.

⁴⁴ * Если это кажется вам невероятным, то в другой раз я представлю вам ясные доказательства. (Примеч. Г. Парихина.)

у меня и в помышлении не было оскорбить этой статьей своих сограждан! По крайней мере совесть моя покойна. Да и сколько могу судить я как тихвинец, в ней нет ничего предосудительного для Тихвина!.. Может быть, вы читали ее и можете поверить слова мои!.. Естли же где в начале периода и высказалась неволью несколько резкая истина, зато в конце тех же периодов всегда покрыта она всемогущим. Но! И что ж бы вы думали!.. Не только ни одного слова одобрения или соучастия не слыхал я, напротив того, меня осыпали упреками и укоризнами и какими же!.. Одна одной несправедливее, одна одной безалабернее! Начиная с того, что в купеческом звании неприлично заниматься словесностью, до того, что будто на сограждан своих сочинил я пасквиль!.. Выставив их в статье в самом невыгодном свете и написавши про них, что они // (л. 57 об.) питаются одним только хлебом. Последние слова были фундаментом для обвинения! Прочтите, пожалуйста, в примечании к тексту статьи эти слова в целой фразе, и скажите, естли тут хоть тень предосудительного и можно ли на таком шатком основании строить египетские пирамиды обвинений, подпирая их упреками и укоризнами, чтоб не свалились! Конечно, для них довольно бабьего вздоха и они рассыплются прахом, но до тех пор они все-таки обвинения и им верят и меня чествят как Иуду!.. Каково вам это кажется!.. Я не знаю, да не дай бог и знать печатного *разругали*, но думаю, что оно рай против этого, когда почти на каждом шагу вас останавливает словами: «Ах, господин писатель, наше почтение, за что такая немилость на тихвинцов! Э, не стыдно пустякам⁴⁵ заниматься, да добро бы писал сказки, а то вздумал конфузить своих граждан!.. Ну, брат, спасибо тебе, отделал ты нас! Хватило у тебя совести написать, что мы едим один хлеб». Это в глаза, а по заглазью... Но довольно, после всех прежних и новых таких неудовольствий и неприятностей, лестное и оживительное письмо ваше вместе с подарком было для меня торжественным праздником, это день был для меня второй Христов день! Ваше письмо — пасхальное золотое яичко! Читая его, я чуть не сошел с ума от радости!

Здесь вы, наверно, подумаете про себя, а может, и скажете вслух: как судить по этому письму, так не из чего и сходить тебе, милый! Да что бы вы не думали и не говорили, я готов перенести от вас все! За что? Да так! От добрых и обиду легче терпеть, чем от злых. А вы первый, кто бескорыстно мне сделал добро! Первый, кто ласково молвил слово отрады! Первый, кто оживил соучастием сердце. Первый, кто спрыснул росой утешения иссыхающий источник

⁴⁵ Так в ркп.

страсти, не получивший ни настоящего развития, ни направления, но тем не менее непреодолимой, невольной страсти к русской словесности! Первые... Кто!.. Да, для исчисления всего недостало бы чернил и в канцелярской чернильнице, а в моей и подавно, одним словом. До вашего письма я весьма и весьма сомневался, стоят ли мои занятия, стоит ли собирание разных поверий какого внимания; в бескорыстное же добро я просто не верил. Теперь по крайней мере я знаю одного доброго человека на свете! И этот человек вы (да и кому же быть другому). Да, этот человек вы сами, почтеннейший Иван Петрович. // (л. 58) И поверьте! О, поверьте — неразвращенной искренности, ваше добро, ваше соучастие для меня незабвенно. Оно слилось с моей душою, спаялось с сердцем крепко! Неразрывно! Вечно!

Не считайте это лестью! Не считайте и преувеличенным! Помните только, что я от первого вас услышал слово отрады; поощрение любимейшей склонности; нашел в вас честного, благородного и бескорыстного человека, которой, смею льстить себя надеждою, не откажется при случае снабдить меня добрым советом, или нет! Не только советом, а одним односложным «да» или «нет», за которым я до сих пор не знал к кому обратиться с вопросом! Помните только все это, и вы убедитесь, естли не терпели часто обманов, или по крайней мере полуубедитесь, что не лесть, а искренность водила пером моим; притом же вы избавили меня от титула просителя, и я еще раз обязан вам благодарностию. Да и знаете ли что, почтеннейший Иван Петрович, ваше письмо, не обидитесь моей откровенности, знаю, что эта первономерная глупость, даже порок в нынешнем свете, большом и малом, но я пока еще люблю правду, и пишу то, что чувствую. Ваше письмо было бы для меня не столь лестно, естли бы не сопровождалось оно книгами! Не подумайте, однако ж, чтобы это происходило от корыстолюбия! О, нет! Я далёк и тени его! Просто-запросто я подумал бы, что ваше письмо одна учтивость светского человека, у которого ласковые выражения не купленные; но книги! Это другое дело. Это подороже ласковых светских выражений, и за пустяки, не стоящая внимания, вы бы их не кинули на ветер, а удовольствовались бы одним письмом и, что главное, вы послали мне книги без просьбы, и этим-то они для меня несравненно приятнее, в сто, в тысячу крат дороже, чем выпрошенные! *Выпрошенные!⁴⁶ Подаренные! Вот два слова, поставленные к ряду, а какое неизмеримое расстояние между ними! Это дальше,

---

⁴⁶ Приписано сверху.

*гораздо дальше⁴⁷, чем от петропавловского порта (даже помножив расстояние на расстояние) до Петропавловской крепости! Без всякого сомнения, я был бы вам благодарен, когда бы вы послали мне книги и после просительного письма моего, но тогда бы для меня не было тех минут наслаждения, которым вам угодно было подарить меня, предупреждая посылкою книг мою просьбу! За что искреннейше благодарю вас, почтеннейший Иван Петрович! Благодарю за книги, за письмо; благодарю за ваше доброе расположение; благодарю за все пламенно и усерднейше // (л. 58 об.) благодарю вас! И снова повторю: *Благодарю, благодарю!*

Кончаю, страшно перечесть!

Жуковский и Пушкин везде у места: они помогли и мне привести к окончанию рацею болтовни моей. Вижу и чувствую, что она глупа до крайности, длинна до бесконечности, скучна до приторности, и не могу переменить ее! Нет смысла написать лутче! А вы сами знаете, что на нет и суда нет! Притом же у меня есть союзница-заступница — беспримерная доброта ваша! И сверх того, кто питался надеждою хотя один раз в жизни, в том числе и аз грешный, на этот раз лышусь и надеюсь, что вы одну половину болтовни моей великодушно простите; за другую не станете строго взыскивать и порадуете меня ответом! А чтобы было вам, на что отвечать, кроме моей болтовни, беру смелость предложить вам два-три вопроса. В прошедший раз я доставил вам одну скороговорку и три суеверные приметы, и спрашивал у вас, годятся ли они или нет. Теперь вторительно прошу вас меня уведомить, стоят ли они внимания, и собирать ли их впредь; обращать ли внимание на подобные приложенной при сем детской сказки; также собирать ли простонародные песни, в выборе которых, к несчастью, я не могу ничем руководствоваться, ибо не имею никакого старинного Песенника, а потому, покорнейше вас прошу, разрешите по этому случаю мои сомнения и будьте моим руководителем в продчих⁴⁸ изысканиях, в которых, как я сказал уже вам, я действую слепо и могу легко пропустить без внимания стоящее, гонясь за вздором. Почему всепокорнейше прошу вас для пользы русской старины дать мне подробной совет, на что более обращать внимания, и что предпочтительнее⁴⁹ собирать из русской народности. Сверх того, будьте вполне моим благодетелем, покровителем и наставником. В вашем письме ко мне между продчим по неизреченной доброте своей вы позволили мне обращаться к вам

⁴⁷ Приписано сверху.

⁴⁸ Так в ркп.

⁴⁹ В ркп. *предпочтительня*.

с просьбою. Опираясь на это и будучи уверен, что вы писали это не из тщеславия, я отбрасываю в сторону ложный стыд и накидывая на себя скучную неприятную фризую шинель просителя, обращаюсь к вам с убедительной просьбою! Так как вам уже известно из сего письма, что я не получил никакого образования, и не знаю ничего основательно, // (л. 59) то сделайте милость, пришлите мне чрез сего письмоподателя каких-нибудь учебных книг, из которых бы я мог почерпнуть правила русского языка для изложения своих мыслей на бумагу в должном порядке. А то, ей Богу, мне стыдно перед вами. Может быть, в моем письме что строчка, то ошибка, и я их не вижу; не могу исправить потому, что не знаю. Даже не знаю того, какие книги мне нужны для руководства, чтобы писать хотя несколько правильно и без грубых ошибок.

Вот причина, почему я прошу вас о присылке учебных книг, не назначая их названия. Я и сам не знаю, какие из них будут для меня полезны, конечно, грамматика необходима, но их много! А какая для меня будет полезна, не знаю, про логики же и риторики, стыжусь сказать, я только слышал! Короче, отдаюсь в полную вашу волю, вы пробудили во мне дремавшую склонность к русской словесности. Будьте же вы и единственным моим покровителем и благодетелем, почтеннейший Иван Петрович! Будьте и не откажите в моей просьбе⁵⁰! Прошу вас об этом во имя Бога живаго; будьте!

Я не знаю, богаты вы или нет. Имеете ли столько золота, сколько желания делать добро! Естли не богаты, извините, я говорю откровенно, то я заплачу вам деньги по вашему назначению за доставленные мне учебные книги. Естли же вы богаты и для вас не будет отяготительно, то сделайте милость, присовокупить к полезному приятное — пришлите мне чрез сего же письмоподателя (буде я заслуживаю это) полное собрание сочинений Марлинского. Чем чрезвычайно меня обяжете и доставите мне райские минуты удовольствия потому, что это мой любимейший автор. Не знаю, как для вас, а для меня его сочинения прелесть, и признаюсь, я особенно пристрастен к нему; для меня Марлинского проза звучнее Пушкина стихов.

Так как эти строчки запахли критикою, то позвольте кстати воспользоваться вашим позволением и высказать откровенное мнение о изданных вами книгах.

Три книги ваших «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков», имеют большой, очень большой недостаток; именно: почему их три, а не тридцать! Как вам угодно, а этот недостаток

⁵⁰ Так в ркп.

вы должны непременно исправить; иначе вся публика будет на вас в большой претензии, в особенности те любители своего родного русского, которых, слава Богу, нынче со дня на день пребывает больше и больше, будут на вас зело сетовать и огорчатся крайне! Ей Богу! Говоря по совести, вы так мастерски принялись за русскую частную старину, что она в ваших руках получает двойное достоинство: // (л. 59 об.) завлекает и умиляет своей стариною и простотою. За это, по моему мнению, что вы не хитрили, сто раз вам спасибо.

Третья часть, кажется, была бы еще занимательнее, естли бы вы приложили к свадебным песням церемонии, существующие при свадьбах (о которых вы упоминаете на 6 стр<анице> 3 час<ти>). Сколько мне известно, они неодинаковы, и во многих городах они имеют самобытной характер свой. Например у нас, в Тихвине, совсем не то, что у вас в Питербурге, не те обряды, не те церемонии. Тихвинские я опишу вам, сколько достанет смыслу! В других городах — опять большая разница — и против Питербурга, и против Тихвина. Право, это было бы любопытно. А естли бы вы описали эти обряды так, как описали старинные святки, было бы не только любопытно, но и восхитительно! Да вы сами знаете несравненно лудче⁵¹, нежели я, что стоит и что не стоит внимания. Мне остается только сказать, что в изданных вами книгах мне более всего пондравилось описание святок, еще более критический взгляд ваш на мифологию; но что всего лудче и совершеннее, так это ваше превосходное предисловие к песням русского народа! Конечно, я не могу судить верно, однако ж и софизмами не купить у меня убеждения, и по-моему лудче этого предисловия как по своей полноты⁵², отчетливости, здравости суждений, верности взгляда, так и по плавному, легкому изложению, не напишет никто, хоть будь семи пядей во лбу!.. Живо чувствую, что я истошаю ваше терпение и между тем еще одна просьба. Я должник г-на Краевского. Я обещал ему две-три статьи за «Литературные Прибавления» и вряд ли могу исполнить обещанное; время летит, а я вот уже более четырех месяцев нездоров и не выхожу из комнаты. И только недавно оторвался с постели. Вот причина, почему я так долго не отвечал на лестное ваше письмо. Вот почему на этот раз приложения мои будут бедны. Вновь я ничего не узнал. А из прежде писанных заговоров, оставшихся у меня, штук семь из самых кратких, от зубной боли, на унятие крови и продч. оказались напечатаны в 1-й части «Сказаний русского народа», и гораздо складнее, чем в моих списках. Затем оставалось у меня еще штук семь самых коротеньких

⁵¹ Так в ркп.

⁵² Так в ркп.

и самых нескладных, в которых, видимо, недоставало многого, и я их уволил вчистую, кроме одного, которой доставляю как лудчий для понятия о тех, которым дана мной отставка. Из песен же на этот раз я ограничился одною дюжиною, а из загадок полусотнею, во-первых, по вышеизложенной // (л. 60) придчины⁵³, а во-вторых, спеша отвечать вам скорее! Просьба же моя состоит в следующем. Мне крайне совестно г-на Краевского и хотелось бы сколько-нибудь заменить обещанные ему статьи. А потому и покорнейше прошу вас, нельзя ли при вашем содействии, почтеннейший Иван Петрович, напечатать в «Литературных Прибавлениях» что-нибудь из доставленных мною вам песен^{54*} или заговоров (с подписью «доставлены от Г.П.»). Я бы лично отнесся об этом к г-ну Краевскому, но не знаю, имеют ли эти песни и заговоры какое достоинство и стоят ли быть напечатанными. Через ваше же посредничество они обратят на себя должное внимание по самой простой придчине — не стоящего вы не одобрите к напечатанию, притом же эти песни и заговоры, доставленные мною вам при прежнем письме, и доставляемые при сем я считаю уже вашею собственностью, а чужою собственностью я не привык без просу пользоваться! И так все зависит от вас, почтеннейший Иван Петрович, я только убедительнейше прошу вас избавить меня хоть немного от долга г-ну Краевскому, доставив ему что-нибудь к напечатанию из доставленного мною вам.

Никому отродясь, даже не исключаю милых сердцу во время молодости, не писал я с таким удовольствием, с такою охотою письма, как писал это к вам; и если бы это письмо было к вам не второе, я написал бы его длиннее втрое. Но при втором столько откровенности, столько длинноты... Я сам страшусь своей смелости, но не могу кончить, не сказавши еще нескольких слов на ваше письмо. Вы пишете мне, что будете говорить о моих трудах в своих книгах и оканчиваете вопросом: «Верно это дозволите мне?» Боже правды!... Иван Петрович! Пощадите меня! Дозволю ли я говорить о себе печатно! Да стою ли я этого! Стоят ли мои ничтожные труды, чтобы говорить об них! Да это я почел бы для себя неизреченным счастьем, высочайшим благом, когда б вы после этого письма удостоили хотя одним словом упомянуть обо мне в своих книгах!

Наконец мне остается только с терпением ожидать от вас ответа, сердце мое сильно бьется. Неужели я лишусь в вас покровителя и благодетеля? Неужели вы лишите меня более, чем жизни, не удо-

⁵³ Так в ркп.

⁵⁴ *Свадебные песни под №№ 1, 2, 7, 8 и 10-м, кажется, нигде не напечатаны. (Примеч. Г. Парихина.)

стоите своим ответом? За что же? Божусь вам Богом, что я не желал вас огорчить даже тенью огорчения, и естли вы найдете что-нибудь неприятное или слишком резкое в моем письме, то это произошло от моего незнания и я приношу вам заранее повинную голову. А повинной головы и // (л. 60 об.) меч не сечет! За что же еще и после этого вы прервете со мною сношения и лишите меня ответа? За просьбу мою о присылке книг! Нет! Ради Бога нет! Мне не надать⁵⁵ целой библиотеки Смирдина! За одну вашу строчку я не возьму всех книг в мире! Я могу разбогатеть, могу сделаться миллионщиком и закупить себе книг целые груды, но вашего соучастия, вашего доброго расположения я не могу купить и грудями золота, а оно мне всего дороже на свете! Впрочем⁵⁶, принимайте за что угодно мое письмо, а я писал его проникнутой чувством⁵⁷ благодарности, искренности и откровенности! И первое из этих чувств пота⁵⁸ будет теплиться в груди моей, пока вам будет не угодно залить его пламенем холодной струей презрения, высказанного лично или в самых жестоких выражениях на бумаге. Иначе сердитесь на меня сколько угодно; это не помешает мне быть искренне вам благодарным, помня то удовольствие, которое вы доставили мне своим письмом вместе с книгами!

С истинным почтением и глубочайшею преданностью честь имею быть Ваш всенижайший и всепокорнейший слуга Григорей Парихин.

Сентября 15 дня
1839 года
Тихвин

РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). Ед. хр. 42. Л. 55–61.

Самое обширное из писем Парихина к Сахарову имеет отчасти характер исповеди или автобиографии. Оно написано после того, как Парихин получил от Сахарова два письма и три книги. Два первых письма Сахарова Парихину были посланы 22 октября 1838 г. и 29 января 1839 г. По-видимому, с первым письмом Сахаров послал Парихину и три части второго издания «Сказаний», однако они вернулись обратно в Петербург. Получив от Парихина письмо, посланное им 22 января 1839 г., Сахаров понял, что тот не получил посланные им ранее книги, и отправил их снова. Этим можно объяснить то, что в первом письме к Сахарову Парихин просит прислать ему «Сказания», а во втором благодарит за то, что тот прислал ему книги, хотя он не просил об этом.

⁵⁵ Так в ркп.

⁵⁶ Так в ркп.

⁵⁷ Так в ркп.

⁵⁸ Так в ркп.

...дойдя в школе до бра и зла... — Вероятно, имеются в виду буквы церковно-славянского алфавита «добро» и «зело».

...козны... — кости из ноги барана или другого животного, употребляемые для игры в бабки.

За «Бову королевича»... — «Повесть о Бове Королевиче» восходит к средневековому рыцарскому роману «*Buovo d'Antona*» («Буово из Антоны»), популярному в Италии, Франции и других европейских странах. Повесть широко бытовала в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. и многократно переиздавалась, например: Сказка о славном и храбром богатыре Бове-королевиче и о прекрасной королевне Дружевне. М.: тип. Решетникова, 1819. 84 с.

Франциль Венциан — Имеется в виду «Повесть о Францилле Венциане»; печатные издания выходили в 1787, 1789, 1793, 1799 гг. и позднее; см., например: История о храбром рыцаре Францилле Венциане и о прекрасной королевне Ренцивене. 4-е изд., вновь пересмотр. и поправл. Смоленск: при Губернском правлении, 1812. 216 с.

Милорд с Марцебрисом — Произведение Матвея Комарова: Повесть о заключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, с присовокуплением к оной Истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевны Терезии. 6-е изд. М., тип. Решетникова, 1819. 126, 80, 142 с.

...рассказов Шехеразды! — Сказки «Тысяча и одна ночь» были опубликованы в России в переводе с французского языка в 1763–1774 гг. (Тысяча и одна ночь. Сказки арабския / Переведены с французского языка. [М.]: Печатаны при Императорском Московском университете, 1763–1774. Т. 1–12). Впоследствии неоднократно переиздавались.

...на сцену Роланд... — На русском языке поэма Лудовико Ариосто (1474–1533) “*Orlando furioso*” («Неистовый Роланд») появилась в Москве в переводе с французского в 1791–1793 гг. (Неистойой Роланд. Героическая поэма г. Ариоста / Переведена с французского [П.С. Молчановым]. М.: Тип. М. Пономарева, 1791–1793. Кн. 1–3).

...у меня и в помышлении не было оскорбить этой статьей своих сограждан!.. — Осуждение жителей Тихвина вызывал следующий фрагмент из очерка Парихина «Провинциальные увеселения»: «Должно заметить, что не много есть в России уездных городов, где бы можно найти столько жемчугу, как в Тихвине. В самом бедном семействе, где часто питаются одним хлебом, вы наверно отыщете 15–20 золотников порядочного жемчуга, а иногда и гораздо более!..»⁵⁹.

Кончаю, страшно перечесть! — Цитата из письма Татьяны Лариной Евгению Онегину:

Кончаю! страшно перечесть...

Стыдом и страхом замираю...

⁵⁹ Г...й П...ь [Парихин Г.И.] Провинциальные увеселения (о посиделках, или посудухах). С. 35, примеч. *.

Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю... (А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. 3,
строфа 31).

...почему их три, а не тридцать! — По-видимому, высказанная Парихиным мысль понравилась Сахарову. Во всяком случае, в преамбуле к 3-му изданию «Сказаний» Сахаров поместил план, согласно которому издание в целом должно было включить 7 томов в 30 книгах. Правда, Сахарову удалось выпустить в свет только два тома в 8 книгах.

3. Г.И. ПАРИХИН — И.П. САХАРОВУ
21 сентября 1839 г.

(л. 62)

Милостивейший государь Иван Петрович!

Я думаю, что вы никогда не встречали неудачи в своих предприятиях и родились под самой счастливейшей из миллиона миллионов звезд, украшающих небо, которая не только на вас, но и на имеющих с вами малейшее сношение проливает благотворные лучи света. Да, почтеннейший Иван Петрович, не мое, а ваше счастье послужило мне после отправленного вам письма от 15 сентября с бедными приложениями вдруг нечаянно разжиться заговорами, которых спешу доставить вам 5 штук с сею почтою, и еще имею надежду впредь на десяток, сверх того будьте уверены, что каждая свободная минута будет посвящена мною на изыскания разных поверий и суеверий, и что будет узнано — немедленно доставлено вам! А неизвестного в нашей стороне таки еще есть довольно; только всего вдруг не схватишь. И как бы не желал я передать все в один раз, но поверьте, ей Богу, не имею ни средств, ни времени это сделать! Впрочем, смею вас уверить, что все мое усердие посвящено на то, чтобы угодить вам; все желание мое состоит лишь в том, чтобы заслужить ваше одобрение, из-за которого я готов жертвовать вам своим пользам⁶⁰ и выгодам⁶¹, зависящим от неусыпного надзора за нашим делом!

С истинным почтением и глубочайшею преданностию честь имею быть ваш Милостивейшего Государя покорнейший и всенижайший слуга, Григорей Парихин.

⁶⁰ Так в ркп.

⁶¹ Так в ркп.

21 сентября 1839 года
Тихвин

РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). Ед. хр. 42. Л. 62

4. Г.И. ПАРИХИН — И.П. САХАРОВУ
24 октября 1839 г.

(л. 54)

Милостивейший Государь Иван Петрович!

Чувствуя во всей полноте ваше доброе ко мне расположение, я дорожу им как первейшим благом в мире и страшусь утратить его, потому первая просьба этого письма состоит в извинении! Сделайте милость, извините меня великодушно, естли я писал вам от 15-го сентября слишком откровенно. Не огорчайтесь ради Бога за это, положите гнев на милость и порадуите меня ответом! Которого я ожидаю с нетерпением, поверьте, он для меня то же, что *быть* или *не быть*.

Как вам угодно, почтеннейший Иван Петрович, а я кудряво писать не могу (за что еще прошу извинения) и приступаю прямо к цели!

Роясь в каждой норке за стариною, я нечаянно нашел одну, кажется, довольно старинную свадебную песню, которую при сем вам прилагаю. Песня эта, слышанная мною от одной безграмотной 60-тилетней старушки, которая сказывала мне, что во время ее молодости⁶² эта песня не была уже в употреблении, а она слыхала ее от своей бабки — это самое и слово *Комунь*, которого я не находил ни в одной песне, породили во мне мысль, что ее стоит немедленно доставить вам на рассмотрение! Что и исполняю при сем случае вместе с покорнейшею просьбою.

Я уже писал вам, что я должник г-на Краевского, а так как честного человека есть долг платить долг; то и мне по мере возможности хочется расплатиться, но, не имея наличности, я вынужденным // (л. 54 об.) нахожусь открыть конкурс, в котором покорнейше вас прошу занять место куратора! В надежде, что вы по своей доброте не откажетесь, излагаю сущность⁶³ дела, и чтобы не затруднить⁶⁴ вас только в двух строчках!

⁶² В ркп. *модости*.

⁶³ Так в ркп.

⁶⁴ Так в ркп.

Если вы найдете стоящей внимания приложенную песню, то сделайте милость, доставьте оную г-ну Краевскому, с прилагаемым на имя его письмом, в котором прошу его о напечатании этой песни, в противном случае делайте что угодно и с письмом, и с песнею.

Нужны ли вам мои уверения в беспредельной моей к вам преданности? Я готов исписать ими⁶⁵ хоть целой лист — но все это будут не более как слова! А так как на слово нынеч⁶⁶ уж не очень верят, то огранчусь до другого письма пожеланием⁶⁷ вам всех земных благ.

С истинным почтением и глубочайшею преданностию, честь имею быть ваш, Милостивейшего Государя, наивсепокорнейший слуга Григорей Парихин.

24 октября 1839 года
Тихвин

РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). Ед. хр. 42. Л. 54–54об.

Песня эта, слышанная мною от одной безграмотной 60-тилетней старушки... — Песня была опубликована в «Литературной газете» с примечанием: «Эту песню получили мы из Тихвина, от г. Парихина, который слышал ее от 60-тилетней старухи, сказывавшей ему, что этой песни не певали уже во время ее молодости, но что она сама слышала ее от своей бабки. Следовательно, это одна из самых старинных наших песен, заслуживающая полного внимания собирателей. *Ред.*»⁶⁸.

5. Г.И. ПАРИХИН — И.П. САХАРОВУ

23 мая 1840 г.

(л. 1)

Милостивейший государь Иван Петрович!

Не имея счастья видеть вас лично вынужденным нахожусь уведомить вас письменно. В последний раз я доставил вам две песни, из коих одна начинающаяся словами:

Про тебя ль это красна девица,
Речь недобрая и прод.

⁶⁵ В ркп. *имъ*.

⁶⁶ Так в ркп.

⁶⁷ В ркп. *поланием*.

⁶⁸ *Парихин Г.* Старинные святочные песни. Примеч. на стб. 63.

Есть собственное мое произведение, что я хотел вам объяснить при доставлении упоминаемых песен, но не мог видеть вас лично. — После я видел мою песню напечатанную уже в числе старинных песен и неоднократно заходил к вам сказать про это, но не мог вас видеть, почему счел за нужное известить вас об этом с всепокорнейшею просьбою выключить мою песню или нельзя ли означить, что она не старинная, чтобы не навлечь // (л. 1 об.) вам какого неудовольствия.

За сим честь имею быть с истинным почтением ваш всепокорнейший слуга Григорий Парихин.

23 мая 1840. С.П.Б.

РГБ. Ф. 268. Карт. 6. Ед. хр. 31. Л. 1–1 об.

Про тебя ль это красна девица, / Речь недобрая и прод. — Песня опубликована в «Сказаниях», в разделе «Русские свадебные песни, собранные в Олонецкой губернии»⁶⁹.

Литература

Виноградов В.В. Парихин Григорий Иванович // Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / ИРЛИ РАН; под ред. Т.Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 4 (в печати).

Г...й П...ъ [Парихин Г.И.] Провинциальные увеселения (о посиделках, или посудухах) // Литературные прибавления [к «Русскому инвалиду»]. СПб., 1839. № 2.

История Тихвина в лицах: Биобиблиографический указатель / Сост. А.А. Титова и др. Тихвин, 2004. Вып. 1, ч. 1: XIII–XIX вв. С. 96–101.

Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова (по архивным материалам) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 141–154.

Парихин Г. Старинные святочные песни // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1840. Ч. 6. Гл. 3. С. 86–93.

[*Парихин Г.И.*] Русские народные загадки // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1842. Т. 6. Кн. 11. Отд. 3. С. 47–78.

Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 1–4. 82+128+276+82 с.

⁶⁹ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 3. С. 570–571 (№ 7).

Топорков А.Л. «В наших Сказаниях не всё то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И.П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 141–154.

Топорков А.Л. Заговоры от вражеского оружия в контексте фольклорных фальсификаций И.П. Сахарова // Russian Literature. 2017. № 93/94. С. 103–130.

References

G...i P...n <Parikhin G.I.> Provintsial'nye uveseleniia (o posidelkakh, ili posudukhakh) [Provincial entertainments (about young people's gathering or talking)]. *Literaturnye pribavleniia <k "Russkomu invalidu">* [Literary additions to "Russian invalid"]. St. Petersburg, 1839, no 2. (In Russ.)

Istoriia Tikhvina v litsakh: Biobibliograficheskii ukazatel' [The history of Tikhvin in personal biographies: Bio-bibliographical index], comp. by A.A. Titova et al. Tikhvin, 2004, issue 1, part 1 (XIII–XIX centuries), pp. 96–101. (In Russ.)

Novikov N.V. G.I. Parikhin i ego fol'klornye zapisi v sbornike I.P. Sakharova (po arkhivnym materialam) [G.I. Parikhin and his folklore records in I.P. Sakharov's compilation (based on archival materials)]. *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia. T. 4* [Russian folklore: Materials and studies, Vol. 4]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ, 1959, pp. 141–154. (In Russ.)

<Parikhin G.I.> Russkie narodnye zagadki [Russian folklore riddles]. *Maiak sovremennogo prosveshcheniia i obrazovannosti* [The beacon of modern enlightenment and education]. St. Petersburg, 1842, vol. 6, book 11, part 3, pp. 47–78. (In Russ.)

Parikhin G. Starinnye sviatochnye pesni [Old Christmas Songs]. *Maiak sovremennogo prosveshcheniia i obrazovannosti* [The beacon of modern enlightenment and education]. St. Petersburg, 1840, part 6, ch. 3, pp. 86–93. (In Russ.)

Skazaniia russkogo naroda o semeinoi zhizni svoikh predkov, sobrannye I.P. Sakharovym [The Russian people's tales of their ancestors' family life collected by I.P. Sakharov]. St. Petersburg, I. Sakharov's Press Publ., 1841, vol. 1, book 1–4. 82+128+276+82 p. (In Russ.)

Toporkov A.L. "V nashikh Skazaniakh ne vse to pomeshcheno, chto izvestno v seleniakh" (Fol'klornye zapisi iz arkhivnogo sobraniia I.P. Sakharova) ["Not everything known in villages is published in our Tales" (Folklore records from I.P. Sakharov's archive collection)]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2014, no. 4, pp. 141–154. (In Russ.)

Toporkov A.L. Zagovory ot vrazheskogo oruzhiia v kontekste fol'klornykh fal'sifikatsii I.P. Sakharova [Magic spells for an enemy weapon in the context of I.P. Sakharov's folklore forgeries]. *Russian Literature*, 2017, no. 93/94, pp. 103–130. (In Russ.)

Vinogradov V.V. Parikhin Grigorii Ivanovich. *Russkie fol'kloristy. Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: V 5 t.* [Russian folklorists. Biobibliographical dictionary, in 5 vols.], IRLI RAN, ed. by T.G. Ivanova. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. Vol. 4 (in print). (In Russ.)

An episode from the history of Russian folklore studies: G.I. Parikhin's letters to I.P. Sakharov

Andrei L. Toporkov

Abstract: In the archive of I.P. Sakharov (1807–1863) there is a set of letters and folklore materials, which were sent to him in 1839 by Grigorii Ivanovich Parikhin, a merchant from Tikhvin. This Tikhvin collector sent Sakharov 22 songs, 70 riddles, 16 magic spells, 1 fairytale and other texts, which were partly published later in Sakharov's compilations, such as *The Russian People's Tales of Their Ancestors' Family Life* and *Russian People's Songs*. A comparative textual analysis has shown that Sakharov edited and abridged texts sent to him by Parikhin. The letters from Tikhvin clarify facts from one of the first Russian folklore collectors' biography, his literary taste, and his relationships with those who surrounded him. The materials published are also important in respect of the history of reading and library science. The second letter to Sakharov contains a peculiar autobiography in which Parikhin describes his life as a history of searching out new books and reading them. Parikhin's acquaintance with literature started with reading the captions of Lubki (classic Russian prints made for the general public, used for entertainment and home decor) and developed as he read Russian and foreign fairytales and novels. Parikhin not only ordered books from St. Petersburg, but also lent them to those who were interested in reading and created a small private library. In his letters, Parikhin revealed his literary tastes, in particular, his attitude to A.S. Pushkin's poetry and A.A. Marlinsky's prose. In terms of stylistics these letters could be interpreted as an example of mixture of styles, both business correspondence and that of Marlinsky's romantic prose. In Parikhin's letters there are many dialect words and colloquialisms written phonetically, which makes it possible to reconstruct everyday merchant speech of the 1830s.

Keywords: history of folklore studies, I.P. Sakharov, G.I. Parikhin, A.A. Kraevskii, songs, riddles, magic spells.

Information about the author: Andrei L. Toporkov, Doctor Hab., chief research associate, RAS Institute of World Literature. Moscow, Russia. E-mail: atoporkov@mail.ru

Citation: Toporkov Andrei L. An episode from the history of Russian folklore studies: G.I. Parikhin's letters to I.P. Sakharov. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 68-203.